

С.А. Малышкин
S.A. Malyshkin

**АРХИВ Н.Е. КАШКИНА
И ИСТОРИОГРАФИЯ МОСКОВСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ
N.E. KASHKIN'S ARCHIEVE
AND HISTORY OF RUSSIAN OPOLCHENIE'**

Доклад посвящен архиву Н.Е. Кашкина, хранящемуся в ЦГА города Москвы.

This presentation is dedicated to the archive of N.K Kashkin which is based in Central Governmental Archive of Moscow.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Московское ополчение, продовольствие.

Key words: French Invasion of Russia, Moscow Opolchenie, provisions.

Имя Николая Евгеньевича Кашкина достаточно часто встречается в литературе, связанной с формированием Московского ополчения 1812 года. Это далеко не случайно, т. к. он возглавлял всю провиантскую часть, и занимался в силу сложившихся обстоятельств, снабжением мукой и крупами всей русской армии, когда та подошла к Москве. Следует подчеркнуть, что значительные по объему фрагменты его делопроизводственной переписки были опубликованы в начале XX века Л.М. Савеловым в его знаменитом труде «Московское дворянство в 1812 году» (М., 1912)¹. К сожалению, самого архива Московского ополчения не сохранилось, поэтому большие перспективы видятся в поиске и изучении личных архивных фондов отдельных руководителей ополчения. Но, к сожалению, и здесь исследователи не могут найти значительные по объему материалы, хотя и встречаются отдельные документы и даже фрагменты ополченческого архива.

Тем не менее, одна такая находка произошла в Центральном государственном архиве города Москвы. Именно здесь хранится личный фонд Николая Евгеньевича Кашкина – обер-провиантмейстера Москов-

ского ополчения². Необходимо отметить, что материалы фонда чрезвычайно мало были востребованы историками войны 1812 года. Абсолютное большинство архивных дел, согласно заверительным листам, ни разу с момента фондирования не заказывались исследователями, и ими не использовались.

Но сначала следует привести краткие сведения о самом герое — Н.Е. Кашкине. Он родился в 1768 г. в семье известного военного и административного деятеля времен Екатерины Великой. Службу проходил Николай Евгеньевич с 1785 г. в составе лейб-гвардейского Семеновского полка, которым командовал его отец. В 1796 г. Кашкин вышел в отставку «по комиссариатскому ведомству», и с этого времени был связан больше с хозяйственной жизнью войск, нежели с чисто военной. В связи с женой, огромным наследством, полученным от родителей и тестя, он в 1800 г. окончательно вышел в отставку, и уехал в свое имение, находившиеся в Калужской губернии Козельского уезда в с. Нижние Прыски. Тем не менее, во время войн с Наполеоном, Кашкин вернулся на службу, и поступил в штаб IV округа ополчения, который располагался на территории Московской губернии. После заключения Тильзитского мира он снова вернулся к мирной жизни, и, как было принято, лето проводил в любимых Прысках, а зиму — в Москве. Его дом, располагавшийся на современном Садовом кольце, был известен гостеприимством, и своим светским обращением. Но все это относилось к заслугам не самого Кашкина, а исключительно к трудам и заботам его жены. По словам современницы Сабанеевой, Николай Евгеньевич «был человек весьма гордый и надменный», хотя все отмечали его огромное трудолюбие. Все эти качества легко можно увидеть в его делопроизводственных резолюциях, и собственноручных ответах подчиненным ему подмосковным уездным провиантмейстерам в 1812 г. Но, как только какой-либо вопрос касался вышестоящих по званию лиц, командиров полков ополчения, а тем более, генералов, то и тон писем, и само обращение разительно менялись. В этом случае он не позволял себе делать резкие выговоры за ошибки, а тем более, угрожать своей властью. После роспуска Московского ополчения в 1813 г. Н.Е. Кашкин вышел в отставку и занимался хозяйством. Но в последние годы жизни его ожидал жестокий удар: его сын Сергей Николаевич, оказался причастным к движению декабристов, был арестован, содержался в Петропавловской крепости, и по указу Николая I был сослан в Архангельск. Удар был не только в том, что сын подвергся опале, с сыном у него были непростые отношения — Николай Евгеньевич

старался его не замечать, и не поддерживать связей. Поразительно для Кашкина было то, что сам он, принадлежащий к старинному дворянскому роду, близкий ко Двору, оказался под подозрением государя! В 1827 г. Н.Е. Кашкин скончался и был погребен в Москве. К слову сказать, и внук Кашкина оказался в рядах следующего поколения революционеров – он был судим по делу «петрашевцев», был наказан ссылкой в Сибирь и службой рядовым на Кавказе³.

Но вернемся к личному архиву Н.Е. Кашкина в ЦГА г. Москвы. Согласно описи фонда, в нем сосредоточена переписка между всеми уездными провиантмейстерами Московского ополчения и обер-провиантмейстером за 1812 – начало 1813 г. Вся документация разделена на группы по всем 13 уездам Московской губернии, а внутри каждая группа уездных документов делится на три дела. Это предписания Н.Е. Кашкина в тот или иной уезд, рапорты о сборе провианта Кашкину от уездного провиантмейстера, и третье дело – это переписка Николая Евгеньевича с уездным провиантмейстером по самым различным вопросам хозяйственного характера. Все дела имеют твердый еще дореволюционный переплет, на обложке каждого дела наклеен, вырезанный из более раннего дела кожаный ярлык, на котором выдавлен золотой краской текст. Например, «№ 3. Предписания Главнокомандующего в Москве и бригадира Кашкина к полковым начальникам 1812 года». На 1-м листе имеется печатная надпись, но более позднего времени: «Опись бумагам в деле заключающимся». Иногда встречаются дела, сохранившиеся с 1812 г. В частности дело № 16. Это полностью сохранившееся дело той поры. У него твердая обложка фиолетового цвета. На первом листе надпись: «Книга. Господину майору Звенигородского уезда провиантмейстеру Рукину для записки прихода приносимого в пожертвование трехмесячного провианта. Августа 8-го дня 1812-го года». Другим почерком написано: «Губернский провиантмейстер Московских военных сил Бригадир Николай Кашкин»⁴. Имеется архивный штамп советского времени. Внутри дела идут записи по хронологии: кто из уездных помещиков и сколько пудов поставил провианта в ополчение. Указывается фамилия владельца крестьян, название деревни или села и количество крупы, муки, иногда соли, поставленной владельцем. Все сведения идут по датам.

Говорить о безусловной ценности этих документов как исторического источника в данном случае излишне. По ним можно увидеть всю топонимию уезда, наличие деревень и сел во владении того или иного помещика, а главное – сколько человек ушло из каждого уезда в Московское ополче-

ние. Переписка между уездными провиантмейстерами, командирами ополченческих полков с обер-провиантмейстерами настолько богата частными деталями, что позволяет нарисовать полную жизни картину формирования в уездах батальонов. Не менее интересными материалами являются дела с перепиской между Н.Е. Кашкиным и командирами полков Московского ополчения. По ним можно проследить даты движения частей из уездных центров к русской армии, их маршруты и, конечно, численность полков. К сожалению, в данных о численности полков постоянно встречаются противоречия в цифрах, иногда разница достигает сотен человек! Скорее всего, это происходило из-за того, что полки не отправлялись из уездов к русской армии в полном составе, а оставляли в городах отдельные роты или даже батальоны, которые должны были потом догонять свои части на марше. Как указывал в свое время исследователь С.В. Шведов, делопроизводство в Московском ополчении велось достаточно плохо.

К столетию Отечественной войны 1812 года, как выше было указано, известный историк Л.М. Савелов опубликовал часть этих документов в сборнике «Московское дворянство в 1812 году». В предисловии он указал, что материалы были обнаружены в делах Депутатского собрания Московского дворянства. Ни о каком архиве, а тем более, личном архивном фонде Н.Е. Кашкина Савелов не обмолвился ни единым словом. Все эти материалы лежали в архивном фонде учреждения — Депутатского собрания. Но уже впоследствии в Советское время они перефондировались, и появился личный фонд Кашкина. В этом видится основная причина недостаточной известности в среде специалистов и подмосковных краеведов столь интересных и ценных документов. Как тут не вспомнить, что документация русской армии за 1812–1815 гг. находится в личном фонде М.Б. Баркляя де Толли, часть архива Московского ополчения хранится в личном фонде Калайдовича, а провиантские документы — в архиве Н.Е. Кашкина!⁵ Следует отметить, что в этом фонде нет ни одного документа Кашкина или членов его семьи личного характера. Здесь имеется только делопроизводство провиантмейстерской части ополчения. Видимо, изучение личных фондов может принести все новые и новые интересные открытия.

Насколько полно материалы фонда Кашкина были включены в публикацию Савелова? Сразу подчеркнем, публикация Савелова открыла историкам чрезвычайно интересные сведения по формированию ополчения. На десятках страниц книги, в разделе «Переписка обер-провиантмейстера бригадира Н.Е. Кашкина с администрацией» увидели впервые свет многие документы по формированию ополчения в уездах. Но ныне, спустя

столетие, конечно, изучение непосредственно документов в архиве города Москвы позволяет расширить информационные возможности этих документов. Во-первых, многие документы не вошли в сборник «Московское дворянство». Невозможно физически опубликовать весь фонд. Во-вторых, многие документы были изданы частично, опущены резкие выговоры Кашкина уездным провиантмейстерам за их просчеты, а тем более, за крайне небрежный учет и ведение делопроизводства. По неопубликованным документам фонда ярко видно, что, в частности, составляя итоговую ведомость поступления и расходования провианта по всей Московской губернии в начале 1813 г., Кашкин, не получив необходимых рапортов от уездных провиантмейстеров, «подгонял» цифры под нужный результат. В отдельных случаях его запросы в уезды в 1813 г. наталкивались или на молчание от подчиненных провиантмейстеров, или на ссылки, что нужные документы погибли во время нашествия неприятеля. В первую очередь, это касалось Верейского, Волоколамского, Дмитровского уездов. В Коломенском уезде потребовалось целое расследование об исчезновении части собранного провианта и виновности в этом уездных властей. В-третьих, в переписке Кашкина с полковыми командирами, уездными начальниками всех рангов и уровней сохранилось такое количество деталей жизни в уездах той поры, истории формирования полков ополчения, что они чрезвычайно дополняют известную на сегодня историкам и краеведам картину Подмоскovie в 1812 г. Несомненно, широкое изучение материалов данного фонда с одновременным использованием работы Л.М. Савелова позволит исследователям родного края продвинуться в создании обобщающей работы по Подмоскovie в 1812 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Савелов Л.М. Московское дворянство в 1812 году. М., 1912.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 458. Оп. 1. Д. 16

³ См.: Кашкин Н.Н. Родословные разведки. Спб., 1913.

⁴ ЦГА г. Москвы. Оп. 1. Д. 16.

⁵ Малышкин С. А. Судьба архивных документов русской армии эпохи Отечественной войны 1812 г. // Отечественная история. 2008. № 2. С. 80–89; Документы Московского ополчения 1812 г. в собрании Российской национальной библиотеки; Москва в Отечественной войне 1812 года. Мат-лы научно-практической конференции (Москва 30–31 августа 2012 г.). М.: ГБУ «ЦГА Москвы», 2013. С. 40–46.